

Окончание. Начало на 8-9 страницах.

цизма и предвосхищением падения Бурбонов через какое-то время.

С помощью патрульных вылазок провела боевая готовность врага. Подобно своему отцу, генерал Александр находится на передней линии. Он отказывается дать взятку владельцу влиятельного "Courrier des Théâtres" Шарлю Морису. "Весь театр платил этому человеку дань. Мадемуазель Марс так просто содержала его; получал он также субсидии от Театр-Франсе, Одеона, Оперы и Комической оперы. К нему приходили, как на рынок: одним он продавал хвалу, другим наскок; он продавал все, включая свое молчание".

Однако и за презрение Морис заставил Александра заплатить: "История воскрешает имена этих мерзостных героев, этих подлых соучастников распутства, столь же отвратительного, сколь и необъяснимого; итак мы можем рискнуть назвать их по именам и обратить суровое внимание властей на эти роли любимчиков с помощью скандала, вокруг которых кое-кто рассчитывает возбудить толпу". Заканчивалась статья призывом к цензуре запретить пьесу. Александр, вооружившись "крепкой палкой", отправляется в Пале-Рояль за своим приятелем Ля Понсом. При шумном явлении двух друзей — Понса с его странным лицом, женственным и изуродованным шрамами, и Александра, содрогавшегося от ярости и с зажатой в кулаке огромной дубиной, Морису становится не по себе. Это досадное недоразумение, он вовсе не хотел кому бы то ни было навредить. Может быть, уладим дело, напечатав ответную статью? Александр принимает сделку и публично заявляет в "Courrier des Théâtres" о чистоте своих намерений, в своем творчестве он историк, а не полемист.

В начале января, как обычно, в воскресенье, Александр отправляется обедать к Арно. В доме никого нет, кроме Мадам Арно, которая обходится с ним холодно. Он все понял, откланивается. Он еще не знает, что патриарх Антуан Венсан Арно вместе с Жуи, Лемерсье и некоторыми другими особами написали королю жалобу от "авторов трагедий", то есть тех, кого ставят в Театр-Франсе. Эти старые классические хрычи обвиняют Тэйлора и актеров в расточении общественных средств, жалуются на "нашествие мелодрамы", которая разрушает их собственные благородные творения и благодаря которой Комеди-Франсез падает "ниже самых захудалых подмостков" на Бульварах, они требуют у властей строго наказывать, то есть запретить "Генриха III". Карл X консультируется с Мартиньяком. Министр внутренних дел тонко улыбается. Уважаемые трагические авторы — старая слава Империи, сохранившие свою бонапартистскую окраску, а романтик Г-н Дюма — протеже герцога Орлеанского, и не считает ли Его Величество, что было бы предпочтительней оставить обеим фракциям оппозиции возможность поносить друг друга с помощью литераторов с той и с другой стороны? При умном министре все становится умнее, даже король. Король ответил жалобщикам так: "Господа, над тем, чего вы просите, я абсолютно не властен; у меня, как у всякого француза, только одно место в парламенте".

Премьера состоялась во вторник 10 февраля 1829 года. Александр наводит последний глянец на детали. Он добился двухсот пятидесяти бесплатных мест, чтобы разместить в стратегических важных точках друзей, сыгравших роль кланов. Он пригласил свою сестру из Шартра присутствовать при его триумфе. Он не забыл послать билеты Буланже, Виньи, Гюго, он с ними пока не знаком, вот и будет подходящий случай познакомиться. Все в порядке, и теперь следует подумать о том, что будет после премьеры. Деньги потекут рекой, будет справедливо вспомнить о милой Ляуре и ее сыне, в конце концов их сыне, и поместить их в более удобную квартиру. Само собой разумеется, что и ему понадобится более привлекательная квартира, и еще третья, такого же класса для Мари-Луизы. Странно, но с тех пор, как он вывел на сцену Генриха III и его мать, его связи с собственной матерью как будто оборвались. И уже не об отдельных комнатах идет речь теперь, когда ему двадцать шесть с половиной лет, но о разных домах.

В субботу накануне премьеры он объявляет ей о своем решении. Да, пока он здесь, ему столько нужно ей сказать, ведь она пять лет уже как бабушка. Ну да,

столько лет его сыну, и его зовут так же, как Генерала, что, ты довольна? Оторопев, Мари-Луиза кладет руку на сердце. Александр ласкает ее, не надо волноваться, он снимет ей отличный дом с большим садом, как в Виллер-Котре, у нее будет слуга и вообще все, и он будет приходить к ней каждый день. Прощальный поцелуй, ему надо бежать в театр, сегодня последняя репетиция.

Мари-Луиза с трудом переводит дыхание, голова кружится, в ушах шумит, она ничего не соображает. Да еще эти черные точки прыгают перед глазами. Постепенно ей становится лучше, она поднимается на все еще дрожащих ногах, накидывает плащ и идет поверить свою печаль мадам Девиолен. "Бедная моя мать долго плака-

внештатного чиновника. Так можно ли себе представить, чтобы Комеди-Франсез без всяких гарантий рискнула бы зарезервировать всю первую галерею? И плюс к тому, кажется немислимым, чтобы в день первой великой романтической битвы кто-либо решился испортить настроение публике, заставив ее без всякого предупреждения целый час ожидать начала спектакля, билеты на который проданы за неделю вперед. Александр был достаточно сильным стратегом, чтобы пренебречь столь элементарной тактикой.

На самом деле, обо всем было договорено заранее, хотя и держалось в тайне, чтобы не вызвать подозрений Карла X и чтобы герцог мог появиться на премьере как бы нечаянно. Претендент на престол был аб-

Битва за "Генриха III"

ла, ушла в глубоком волнении и, едва ступив на лестницу, ни с того ни с сего впадала в обморочное состояние, почувствовала полную потерю сил, ноги ее подломились и, разбросав их по ступеням, она упала прямо на площадке".

Девиолены послали своего слугу в театр — предупредить Александра. Он прибежал, виноватый. Мари-Луиза узнавала его, но ничего не могла сказать. Он вынул лучший врач, на нял сиделку. Какое счастье, что у него имелись одолженные Лаф-фитом деньги. "К тому же еще один из моих друзей, сын известного торговца брильянтами Эдмон Альфен, узнав новость и не предполагая, что я богат, как Али Баба, прислал мне маленький кошелек с двадцатью луидорами внутри". Александр отправляет деньги обратно, кошелек хранит "в память об этом нежном внимании".

9 февраля случается эпизод, вошедший в легенду о Дюма. Не испросив аудиенции, Александр нахально является к герцогу Орлеанскому. Он принят немедленно и просит герцога пожаловать на премьеру на следующий день. Орлеанский с удовольствием пришел бы, но, к сожалению, начало в семь, а в шесть у него званый ужин с тремя десятками иностранных принцев, и он не может ограничиться легким угощением. Александр лукаво улыбается, дело легко уладить, достаточно перенести ужин на час вперед, а он, со своей стороны, на столько же задержит спектакль, и, надеясь, что Его Высочество сделает ему честь участием в его продвижении, он попросил в Комеди-Франсез не продавать всю первую галерею, дабы там могла удобно разместиться вся именитая компания. Герцог согласен.

Из всего этого очевидная правда, что 9 февраля Александр действительно был принят Орлеанским, об этом свидетельствует позднейшее письмо, однако содержание этого письма говорит о том, что Александр приходил к герцогу скорее ходатайствовать о возвращении на герцогскую службу с повышением. Кстати, в то время как "весь остальной зал был продан неделей раньше, ложа стоила невероятно дорого — двадцать луидоров!", то есть четыреста франков, треть годового жалованья

совершенно чужд стремлению к самодельной импровизации. Его позиция на высоте. Орлеанскому известно содержание и политическая направленность "Генриха III".

Знает он также, что Мишло загримирован под короля. Битва классиков с романтиками его интересовала гораздо меньше, чем возможность для власти возглавить романтическую молоденькую перемену не только в литературе.

Итак, переполненный зал 10 февраля 1829 года, восемь часов. "Первая галерея забита обвешанными орденными принцами пятишести национальностей, вся аристократия в полном составе сгрудилась в ложах первого и второго ярусов; дамы сверкали брильянтами". А процелыга, негр, ничтожество, улюбок тешил всем этим свой взгляд. В конце первого акта на реплике герцога де Гиза: "Сен-Поль, пусть мне найдут тех же людей, что убили Дюга!" раздался аплодисменты. Александр бежит проведать Мари-Луизу. Второй акт проходит без сучка, без задоринки, с особым успехом — сцена с духовой трубкой.

И вот решающий, третий акт. Момент, когда Гиз мучает супругу железной своей перчаткой, "вызвал крики ужаса, но в то же время и бурю аплодисментов: впервые театр подошел к драматическим сценам с такой откровенностью, я бы даже сказал, с такой грубостью". Александр возвращается к изголовью Мари-Луизы.

Начиная с четвертого акта и до самого конца это был уже не просто успех, а все нарастающий испуганный восторг: аплодировали все, даже женщины. Мадам Малибран, которой досталось место лишь на третьем ярусе, целиком вывесилась из своей ложи и обеими руками держалась за колонну, чтобы не упасть.

В фойе театра молодые и волосатые романтики шумят, празднуют огромную победу. Говорят, что они танцевали вокруг бюста Расина, выкрикивая: "Обскакали Расина! Обскакали Вольтера!" и все норовили выбросить в окно бюсты несчастных классиков. Александр в этом ритуале не участвовал. Опустошенный, обуреваемый и радостью, и чувством вины одновременно, он благодушно вернулся к Мари-Луизе. Он

ложится на матрасе у ее ног, он должен воздать ей эти последние почести, даже если она и не пришла в сознание.

Для издания Александр относит рукопись книгопродавцу Везару, получает шесть тысяч франков, возвращает долг Лаффиту, возвращается в Комеди-Франсез — и о ужас! Пьеса запрещена, классики и королевское окружение времени даром не теряли. Тэйлор устраивает Александру срочное свидание с Мартиньяком. Впрямую ничего не говорится. Мартиньяк приветлив, он готов снова разрешить спектакли ценой небольших исправлений, например, вместо того, чтобы "благословлять" шпату Сен-Мегрена, достаточно сказать над ней "заклинания". Видите, не так уж и трудно, убираем только то, что может задеть церковь и трон. Александр понял: Мишло должен изменить грим.

"Генрих III" возобновлен. Герцог Орлеанский продолжает демонстрировать свою причастность к спектаклю, он присутствует также и на втором представлении. Приглашает Александра к себе в ложу и рассказывает, как был зван к Карлу X:

Король — "Знаете ли, кузен, в чем меня пытаются убедить, — говорит он мне, делая упор на обращении, что якобы в вашей канцелярии есть некий молодой человек, сочинивший пьесу, в которой мы оба играем по роли: я Генриха III, а вы герцога де Гиза".

Герцог Орлеанский — "Сир, — отвечаю я, — вас обманули, и вот вам доказательство: во-первых, я не был вашей женой; во-вторых, мадам герцогиня Орлеанская не наставляет мне рога; а в-третьих, у Вашего Величества нет более верного подданного, чем я".

Успех у публики не мешает продолжению ожесточенной битвы в газетах. В двух словах, газеты правого толка скорее поддерживают романтиков, а либеральные — скорее классиков, что вовсе не кажется таким уж парадоксальным, ибо вплоть до наших дней можно найти прогрессивные статьи в "Figaro" и совершенно покрытые пылью в "Libération". Александр трезво анализирует это явление: "Те, кто проповедовал движение и прогресс в политике и был реакционером в литературе (...), работали для Театр-Франсе и, раз захвативши теплое место, любой ценой хотели его сохранить". В то время как "те, кто проповедовал застой и негибкость в политике, и были революционерами в литературе (...), чаще всего работали только для Бульваров и стремились к тому, чтобы брешь, пробитая в оплоте классицизма, позволила бы и им получить доступ к месту".

Некто Господин Стендаль в статье, опубликованной в Англии в "New Monthly Magazine", пишет: "Самое привлекательное из появившихся здесь драматических новинок это "Генрих III и его двор" господина Александра Дюма. Пьеса эта в духе "Ричарда II" Шекспира показывает двор слабого монарха. Конечно, в ней немало недостатков, но тем не менее она глубоко интересна и премьеру ее можно рассматривать как литературное событие, наиболее значительное в эту зиму".

Александр считает очки. Существуют, однако, пределы, которые невозможно преодолеть, это когда от пьесы переходят на его личность: "Как бы ни был велик успех, в нем нет ничего удивительного для тех, кто знает, каким образом делаются темные делишки в политике и литературе семейством Орлеанских. Автор — это мелкий служащий на жалованье Его Королевского Высочества". Александр не говорит, в какой газете это напечатано, и кто автор. Тем не менее он посылает Ля Понса обговорить условия дуэли. Писака соглашается стреляться через день, так как на следующий день у него дуэль с Арманом Каррелем. Мораль удовлетворена, пуля лишает писака двух пальцев на правой руке, и пока он учится писать левой рукой, Александр благодушно принимает его устные извинения.

Пистолетным выстрелом Карреля завершается битва за "Генриха III". Жизнь пьесы стремительно продолжается. Через год публика окажется подготовленной к битве за "Эрнани".

¹ Королевский комиссар в Комеди-Франсез

² Мари-Луиза — мать Дюма

³ Карл X — тогдашний король Франции